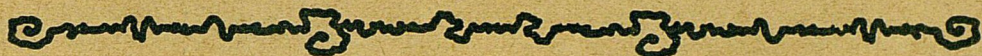

Свѣтлячокъ

1904 г. • годъ III. • № 13

XV $\frac{3}{24}$

Государственная
Библиотека
С. П. Б.
им. В. И. Ленина

П 3709-55

Хозяйка.

У Тани малютки
Есть много друзей,—

Отъ нихъ, кромѣ шутки,
Проходу нѣтъ ей!
Сама виновата:

Съ утра каждый день
 Имъ завтракъ богатый
 Носить ей не лѣнь...
 Полкану съ Трезоромъ
 Приносить костей, —
 Тѣ ласковымъ взоромъ
 «Спасибо» шлютъ ей.
 Моченый горошекъ —
 Для куръ и циплять,
 Апригоршнюкрошекъ,
 Чтобъ «Петька» былъ
 радъ...

Зато чуть случится
 Ей выйти на дворъ, —

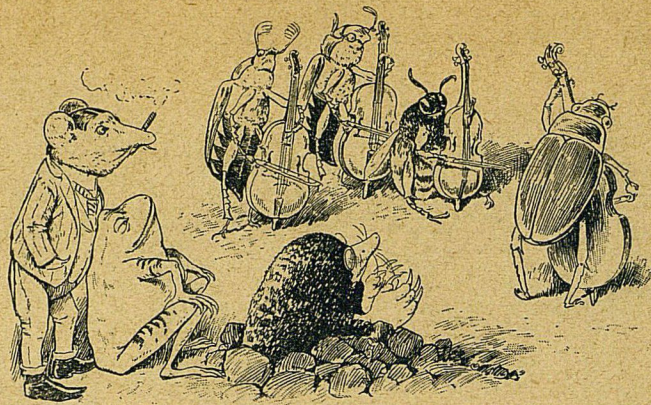
Собаки и птицы
 Ей смотреть въ упоръ.
 И лаеъ Полкаша,
 Визжить ей Трезоръ:
 «Хозяйка ты наша!
 «Мы сыты безъ ссоръ!»...
 И куры встрѣчаютъ,
 Кудахчуть: — «къ намъ!..
 къ намъ!»...

И всѣ провожаютъ
 Ее по пятамъ.
 Подходить къ воротамъ,
 Пѣтухъ — на-чеку:
 Поетъ, какъ по нотамъ:
 «Ку-ку-ка-ре-ку!»...

Т. Р.

У меня дома—чистота, у меня порядок,—
Работы по горло, и отдых мнѣ сладокъ..

Попутчица.

(Окончаніе. См. № 12).

III.

БОЖЬЕЙ коровкѣ, по правдѣ сказать, было жутко, но она терпѣла все: ужъ очень ей господъ жалко стало, барыню особенно. Она притворилась мертвой и все время пролежала на спинкѣ, вверхъ лапками. Попробуйте-ка съ полчаса такъ вылежать, — каково это!.. И графъ ничего, — другой бы оттрепаль ее за рожки на прощанье, а онъ только лапкой погрозилъ, — и больше ничего... А она ему вѣдь лапку отсидѣла!..

Собственно, я подъ мухоморомъ не былъ и бала не видалъ, но надо полагать, что веселье было на-славу. А графъ былъ особенно доволенъ. Онъ всѣмъ и каждому рассказывалъ объ

ихъ приключеніи въ лѣсу, причемъ онъ описывалъ себя героемъ. Конечно, онъ все сочинялъ, но онъ старался убѣдить и себя, что это именно такъ и было.

— Представьте, — рой пчель... Гудятъ, свистятъ, въ барабаны бьютъ... А справа, въ болотцѣ сидитъ такая, лягушка, зеленая, пучеглазая, а слѣва воробей чирикаетъ: «Съѣмъ, съѣмъ!»... Положеніе безвыходное!.. Но хуже всего, что насъ завела въ эту засаду одна странница, — божья коровка. Встрѣтили мы ее на дорогѣ, стала она просить: возьмите да возьмите... Ну, знаете, сердце у меня слабое, графиня—дама чувствительная. Посадили ее къ себѣ, а она, не угодно ли, завела насъ въ разбойничье логово!..

— Я велю завтра всѣхъ божьихъ коровокъ убрать отсюда!—сказалъ жукъ-рогачъ, начальникъ этого околотка лужайки.

— Пожалуйста! — и графъ шаркнулъ третьей лапкой о шестую...

IV.

ОБРАТНЫЙ путь былъ еще того хуже. Сначала было жарко, такъ что восковые колеса растаяли, и улитка волокла каретку безъ колесъ; потомъ полилъ дождь, и хотя улитка была въ восторгѣ, но это только еще больше взбѣсило графа.

— Это ты нарочно сдѣлала, чтобы пошелъ дождь!—капризно говорилъ онъ ей.

Улитка только шевелила рожками и улыбалась. Она точно на-смѣхъ ползла изъ лужи въ лужу, такъ что даже вода стала заливать въ каретку...

— Что ты дѣлаешь?—завопилъ графъ...

Тутъ ужъ улитка обидѣлась, слова не сказала и прямо поползла на высокій бѣлый грибъ.

Вотъ это было положеніе!.. Натурально, графъ вывалился въ окошко, а за нимъ и графиня.

Графиня плакала, ломала лапки и говорила, что попадись ей божья коровка,—она ее убьетъ на мѣстѣ.

Даже графъ нашель, что божья коровка тутъ не при чемъ.

— Нѣтъ, она виновата!—сердилась графиня.—Съ нея начались всѣ наши бѣдствія. Вотъ теперь захлестнетъ насъ водой,—и поминай, какъ звали...

Но въ эту минуту кто-то тихо окликнулъ ихъ. Это была божья коровка. Она стояла около какой-то норки и манила ихъ. Конечно, графъ и графиня бросились къ ней, вытолкнули ее на дождь и сами забились въ норку.

— Ты какъ сюда попала?—сурово спросилъ ее графъ.—Развѣ тебя разбойники не убили?

— Нѣтъ, зачѣмъ имъ меня? Я ихъ накормила, и они меня пожалѣли... Да все на васъ сердились. «Какъ, — говорятъ, — они смѣли бросить тебя и уѣхать?»...

Графу стало самому неловко, но онъ началъ мурлыкать себѣ пѣсню подъ носъ: это помогало, потому что пѣсней заглушался голосъ мушиной совѣсти...

— И теперь, — продолжала божья коровка, — они рѣшили подстеречь васъ на обратной дорогѣ и убить...

Конечно, графиня тотчасъ упала на спинку и притворилась мертвой.

— Только я васъ въ обиду не дамъ... — сказала божья коровка. — Я васъ низинкой, стороной проведу. А то у нихъ и лягушка подговорена, и она сидитъ подъ межевымъ лопухомъ, у перекрестка, гдѣ свѣтлячки по вечерамъ закусываютъ.

Оставалось довѣриться еще разъ божьей коровкѣ. И господа такъ и сдѣлали... А божья коровка не обманула ихъ ничѣмъ... Она провела ихъ стороной и даже издали показала имъ дежурившую у лопуха лягушку, которая хоть и спала, а все-таки была такая страшная, что у графа для дрожанія не хватало шести ножекъ, и будь ихъ двѣнадцать, онъ ни одной изъ нихъ не оставилъ бы въ покоѣ.

Только дома, сидя на сиреневомъ кусту, вздохнулъ онъ свободно.

— Ну, компанія! — кричалъ онъ, взмахивая крыльями, — такъ, какъ мы всплескиваемъ руками. — Весь лѣсъ кишитъ разбойниками!..

Божья коровка заставила его призадуматься.

— Что же тебѣ въ награду отъ меня надо?—спросилъ онъ ее.

— Ничего-съ!—сказала та.

— Однако... для чего же ты это дѣлала?

— Да поняла, каково вамъ тяжело было; себя я на мѣстѣ вашемъ поставила, и жутко мнѣ стало... Я и помогла... А когда мнѣ тяжело будетъ,—вы мнѣ поможете... И кабы ежели всѣ такъ уговаривались, чтобы другъ другу поддерживать,—всѣмъ бы легче жить стало... А вы, сударь,¹ не мнѣ, такъ другому милость окажите...

Но тутъ графъ вспылить...

— Ты, кажется, учить меня вздумала?..—и онъ такъ сердито топнулъ тремя ножками, что листикъ вздрогнулъ и сбросилъ съ себя божью коровку на дорожку...

Каждому—свое мѣсто и своя доля...

И когда божья коровка попалась мнѣ и рассказала всю эту исторію,—я общался ей написать этотъ рассказъ. Значить, удовлетворена и она: теперь знаютъ это я, весь сиреневый кустъ да читатель-крошка, всѣ понемножку...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

КОНЦЕРТЪ.

ГРЕМИТЬ рояль... И гусеница
 Сама себя превзошла,
 И жукъ поетъ, пищать скри-
 ница,—
 Толпа стоитъ вокругъ дивится,
 И вся въ восторгѣ замерла...

Здѣсь въ уголѣ, подь травкой
 нѣжной,
 Гдѣ васильки и кашки спятъ,
 Гдѣ дремлетъ ландышъ бѣлоснѣж-
 ный,—
 Рой насѣкомыхъ безмятежно
 Повеселиться скромно радъ...

А тамъ въ болотѣ, гдѣ спокойно,
Качаясь, дремлютъ камыши,
Лягушка громко и нестройно
Поетъ „Ква-ква“ отъ всей души...

Концертъ гремитъ. Лягушка
злится;
Завиденъ ей чужой успѣхъ...
И вотъ болотная пѣвица]
Молчать заставить хочетъ всѣхъ

— „Какъ смѣть съ лягушкою
тягаться!

„Я весь вашъ залъ съ орке-
стромъ съѣмъ...

„Я не побрегаю ничѣмъ..

„Сейчасъ пойду и стану драться...

Бѣда, кто дракой доказать
Талантъ и превосходство хо-
четъ,

Онъ, какъ лягушка, долженъ знать,
Что этимъ самъ себя морочить.

М. Р.

Страшный ураганъ.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ давнымъ-давно; я тогда была еще ма-
ленькой дѣвочкой; этому будетъ лѣтъ уже сорокъ.

Мы жили на маленькой фермѣ,—отецъ, мама и я,—въ Гер-
маніи. У насъ былъ небольшой участокъ земли, но все было
у насъ въ порядкѣ, и урожаи бывали богатые.

Разъ цѣлую недѣлю стояла жара, а потомъ пошли дожди,
но тоже очень теплые; они даже какъ-будто не освѣжали воз-
духа, и послѣ нихъ, бывало, выйдешь на волю, — просто
дышать трудно.

— Должно-быть, сильная гроза готовится,—сказалъ какъ-то
утромъ папа.—Ты, Мэри, не боишься?—обратился онъ ко мнѣ.

Я только засмѣялась. Чего мнѣ было бояться: я росла на волѣ, настоящей дикаркой. И въ дождь, и въ бурю, и въ грозу я, бывало, брожу всюду, и горя мнѣ мало. Я и верхомъ отчаянно ѣздила, и на деревья лазила,—все нипочемъ было...

Папа уѣхалъ на работу верхомъ; вдругъ въ три часа дня приѣзжаетъ онъ встревоженный, испуганный. Лошадь его вся въ мылѣ, дрожить, озирается, поздри раздуваетъ, а глаза кровью налились.

Мы съ мамой выбѣжали къ нему, спрашиваемъ въ тревогѣ:

— Что случилось?

А онъ и говоритъ:

— Бѣда!.. Бѣда!.. Нанасъ страшный смерчъ!..

Выбѣжали мы на улицу и видимъ, что черная, зловѣщая туча низко нависла надъ землей, и отъ нея словно хоботъ высунулся, и идетъ этотъ хоботъ до самой земли... А вдали словно туманъ какой,—пыль стоитъ стѣной, деревья гнутся; по воздуху словно какія-то черныя птицы летятъ...

А это были не птицы,—летѣли по вѣтру доски, хворость, бревна, листы желѣзные съ крышъ, вырванные съ

корнемъ деревья... Издали доносился до насъ глухой, страшный шумъ. какъ отъ идущихъ нѣсколькихъ паровозовъ... И вижу я, — бѣжитъ въ страхѣ съ поля стадо, поднявъ хвосты, лошади мчались, обезумѣвъ вовсе; собаки жалобно воютъ; люди бѣгутъ вразсыпную. И жутко мнѣ стало.

Сталъ вѣтеръ надвигаться, пылью глаза слѣпить, дышать противъ вѣтра и то трудно...

— Скорѣе, скорѣе! — кричитъ отецъ мамѣ. — Лѣзь съ Мэри въ погребъ, вотъ сюда!

А погребъ у насъ былъ на дворѣ.

Бросились мы туда; мама меня сжала рукой и не выпускаетъ, и только мы спустились съ лѣсенки, какъ крышка надъ нами съ грохотомъ захлопнулась.

— А папа?! — въ ужасѣ крикнула я.

Мама ничего не отвѣтила, только закрыла лицо обѣими руками и зарыдала.

Я слышала, какой внезапно грохотъ раздался надъ нами, крики, — словно что обрушилось на насъ. Кругомъ было темно, какъ ночью. Я вся дрожала, и слезы душили меня...

Я думала, мы сидѣли цѣлыя сутки, но на самомъ дѣлѣ прошло не болѣе четверти часа... Крышка поднялась надъ нами, и наши работники Генрихъ и Максъ почти вынесли насъ на волю... Шелъ маленькій дождикъ. Но съ какой радостью я увидела снова ясное небо и вдохнула свѣжій воздухъ!

Но когда я очнулась, — сердце замерло во мнѣ. Всюду валялись огромныя деревья, вырванныя съ корнемъ, бревна, доски, вороха соломы; около лежалъ опрокинутый возъ съ сѣномъ, и лошади съ перебитыми ногами жалобно стонали. Наша дача рухнула, изгородь и садикъ были опустошены...

Мама заплакала, а старый Генрихъ угрюмо проворчалъ:

— Что дѣлать? Гнѣвъ Божій...

— А гдѣ же папа? — воскликнула я.

Его около не было... Но вскорѣ онъ показался изъ-за оврага; онъ шелъ и прихрамывалъ, но привѣтливо улыбался намъ.

Онъ не успѣлъ сѣсть въ погребъ съ нами; налетѣвшій смерчъ поднялъ его на воздухъ, пронесъ съ полверсты и тихо опустилъ на дно оврага, гдѣ было болото. Онъ былъ здоровъ, только ушибленная при паденіи нога слегка мозжила.

Смерчъ—страшное явленіе въ природѣ. Облако оттягивается хоботомъ, который вертится отъ сильнаго вихря и притягиваетъ къ себѣ столбъ пыли. Этотъ столбъ несетъ впередъ, ломаетъ все, что ни попадется ему на дорогѣ, вырываетъ деревья съ корнями, какъ спички, и носить по воздуху...

У насъ вѣтромъ разломало дачу, два сарая, осушило маленькій прудикъ и выкинуло на берегъ карасей и лягушекъ. Въ сосѣдней деревнѣ снесло три дома, а въ лѣсу проложило цѣлую просѣку...

Съ этихъ поръ я всегда боялась бури и урагана. Вотъ какое дѣло было у насъ...

Лора Швальбахъ.

РЕБЕНКУ.

(Посмертное стихотвореніе).

РЕБЕНОКЪ рѣзвый и живой,
Малютка милый и прекрасный,
Мнѣ дорогъ смѣхъ безпечный твой!
И взоръ очей, какъ небо, ясный.

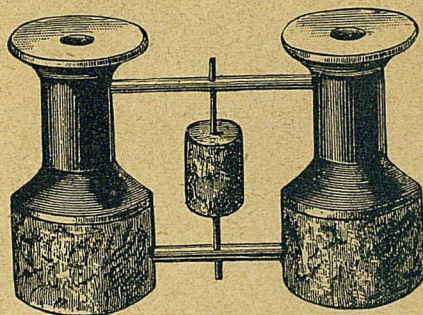
Въ невинной дѣтской болтовнѣ
Есть что-то чистое, святое,
И, внемля ей, приходитъ мнѣ
На память свѣтлое былое.

Л. Медвѣдевъ.

ПОТЪШНАЯ СТРАНИЧКА.

Кукольный бинокль.

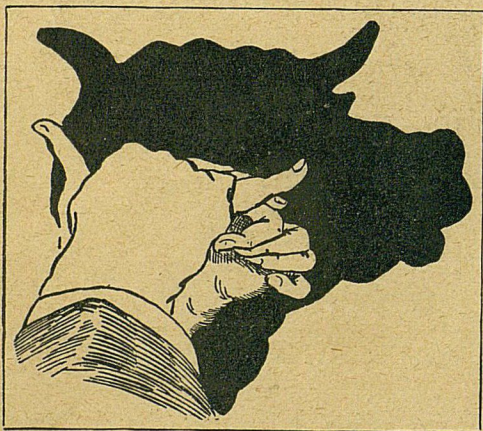
По величинѣ дна катушки вырѣзають два одинаковыхъ круглыхъ куска пробки, которые и прилеиваются къ катушкѣ. Соединяются двѣ части бинокля двумя спичками; одна проходитъ сквозь пробки, другая—у верха катушекъ. Средину между двумя частями бинокля образуютъ кусокъ шпильки съ надѣтымъ на нее кусочкомъ пробки, что и завершаетъ бинокль для куколъ. Для того, чтобы поперечныя спички (или подобныя имъ палочки)

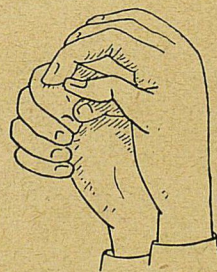
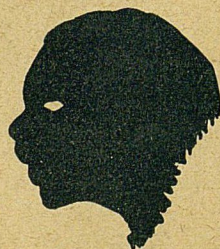
крѣпче держались, концы ихъ смазать столярнымъ клеємъ или гумми-арабигомъ.

РУЧНЫЯ ТѢНИ.

Быкъ.

Негръ.

Почтенный филинъ.